

ТАМАРА ЭЙДЕЛЬМАН

П Р А В О Н А Ж И З Н Ь

И С Т О Р И Я С М Е Р Т Н О Й К А З Н И

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2022

УДК 343.25
ББК 67.409.15
Э30

В книге упоминаются социальные сети Instagram и /или Facebook, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.

Научный консультант Станислав Мереминский, канд. ист. наук
Редактор Наталья Нарциссова

Эйдельман Т.
Э30 Право на жизнь. История смертной казни / Тамара Эйдельман. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — 400 с.

ISBN 978-5-00139-585-0

Жертвоприношения, кровная месть, казнь — все эти варианты узаконенного лишения человека жизни другими людьми существовали с глубокой древности, и все они считались необходимыми. О том, как и за что казнили и казнят в разных странах мира, какие аргументы приводили в разные времена сторонники и защитники смертной казни, как относились и относятся к ней простые граждане, политики, философы, писатели, художники, рассказывает историк Тамара Эйдельман. В качестве примеров она обращается к событиям от Античности до современности, в том числе к известным процессам XX века: над ирландскими повстанцами, над маршалом Петеном и другими деятелями режима Виши, над Андреем Чикатило. Цель этого экскурса в историю — вместе с читателем найти ответ на вопрос: вправе ли государство, пусть даже во имя высших, благих целей, отнимать у человека жизнь.

УДК 343.25
ББК 67.409.15

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-585-0

© Эйдельман Тамара, 2022
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Содержание

Глава 1	Почему Сократ провел месяц в тюрьме?	5
Глава 2	Зачем проливать кровь?	50
Глава 3	За что казнили Синюю Бороду?	90
Глава 4	Жизнь человека в России.....	115
Глава 5	Цена жизни в XX веке.....	165
Глава 6	Казнить нельзя помиловать.....	242
Глава 7	Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?	267
Глава 8	Казус Петена, Лавалья и Бразильяка	315
Глава 9	Казус ирландских повстанцев.....	334
Глава 10	Казус Чикатило	344
Глава 11	Культура против казни. Вместо послесловия	358
Примечания		387

Глава 1

Почему Сократ провел месяц в тюрьме?

Философ Сократ очень раздражал афинян. Он вроде бы не делал ничего особенного, выполнял обязанности, которые были у любого гражданина, в молодости показал себя храбрым и выносливым воином, в зрелом возрасте не испугался тиранов, захвативших власть в городе, и не стал выполнять их приказания. Не гнался за богатством и жил бедно, хотя среди его учеников были знатные люди, спокойно выслушивал брань своей сварливой жены Ксантиппы и не впадал в ярость, даже когда она обливала его водой. И все-таки Сократ вызывал раздражение.

Он постоянно задавал вопросы, постоянно что-то обсуждал со своими учениками — и делал это совсем не так, как было принято. Сократ призывал все ставить под сомнение и утверждал, что только таким образом можно докопаться до истины. Он говорил, что перенял у своей матери, повитухи, ее ремесло — майевтику, только та помогала рождаться детям, а он помогает появляться на свет истине. Вот это и вызывало раздражение — зачем во всем сомневаться и все время искать истину? Разве она не дана нам свыше — богами, предками, древней традицией?

В конце концов три афинских гражданина — богатый кожевник Анит, поэт Мелет и оратор Ликон — обвинили Сократа в том, что он «не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то — смерть»¹.

Как и полагалось в афинском суде, Сократ защищал себя сам и, конечно же, воспользовался своим талантом спорщика, чтобы объяснить Мелету, а заодно и пятистам судьям, избранным по жребию из числа обычных жителей Афин, что он вовсе не развращает молодых людей, а, напротив, внушает им представления о добре и справедливости. Увы, его доводы подействовали далеко не на всех. Решение в Афинах принималось голосованием — и черных камешков, означавших признание подсудимого виновным, оказалось больше, чем белых, хотя и ненамного.

После этого Сократ должен был сам назначить себе наказание — таким образом судьи определяли, насколько человек признает свою вину. Друзья советовали ему выбрать большой штраф, обещая быстро собрать нужную сумму. В таком случае всем стало бы понятно, что он смирился с предъявленным обвинением, и его оставили бы в покое. Но Сократ вовсе не смирился. Он заявил, что назначил бы себе вместо всякого наказания обед в Пританее. Это было здание, где постоянно поддерживался священный огонь в честь богини Гестии. Там заседали пританы — члены государственного совета, и обед с ними был великой честью, которой удаивались, например, победители Олимпийских игр.

Судьи поняли, что Сократ не только не признал себя виновным, но еще и явно бросает им вызов, и их реакция была ожидаемой. Большинство голосов его приговорили к смерти.

Теоретически приговор должны были тут же привести в исполнение; Афины не знали апелляций и отсрочек. Но Сократ еще месяц провел в тюрьме, беседуя со своими учениками и доказывая им, что смерти бояться не следует, так как

возможны два варианта: или после нее нет ничего, тогда и опасаться нечего, или же умершие получают по заслугам, и тогда Сократу тоже не надо бояться и он будет проводить время в загробном мире, вечно беседуя с другими невинно обвиненными и казненными. Когда же пришло время умирать, философ спокойно выпил поданную ему плачущим охранником чашу с соком цикуты, некоторое время походил по комнате, еще успев успокоить рыдающих учеников, а затем лег, и холод постепенно стал подниматься от ног все выше. В последний момент он вспомнил, что в случае смерти от яда необходимо приносить жертву богу врачевания Асклепию. «Мы должны Асклепию петуха, так отдайте же, не забудьте» — такковы были его последние слова, после чего Сократ отвернулся к стене и умер.

Почему же философа не казнили сразу? Дело в том, что накануне дня суда из афинского порта в море вышел корабль, отправившийся на священный остров Делос. На нем находилась феория — посольство, члены которого должны были принять участие в празднествах, посвященных Аполлону. До возвращения посольства исполнение смертных приговоров в Афинах приостанавливалось, чтобы не оскорбить бога.

Как же так? Сократа осудили за преступления, которые его сограждане считали одними из самых тяжких, — за то, что он якобы не верил в богов и развращал молодых людей, внушая им богохульные идеи. Но, оказывается, даже такого опасного человека нельзя было казнить во время священного праздника.

История великого философа демонстрирует нам нечто очень важное, что помогает понять отношение к смертной казни. И казнь, и жертвоприношения, и кровная месть — все эти варианты лишения человека жизни другими людьми существовали с глубокой древности, и все они считались необходимыми: убийцу надо было наказать, чтобы умилостивить дух убитого, боги требовали кровавых жертв, родные обязаны были

отомстить. Это воспринималось как должное — многие общества считали, что без таких кровавых ритуалов они навлекут на себя гнев богов. Но одновременно присутствовало и ощущение того, что пролитие крови тоже вызывает гнев высших сил.

На другом конце Европы, в совершенно других условиях, у скандинавов возникла легенда о том, как коварный бог Локи подстроил убийство светлого бога Бальдра. Мать Бальдра Фригг знала, что ему угрожает опасность. Она попросила все живые существа, растения и предметы поклясться, что они не причинят вреда ее сыну. Только с омелы, которая оказалась ей совершенно безобидной, она не взяла такой клятвы. С тех пор боги развлекались, бросая в Бальдра всем, что попадется им под руку, но никакое оружие не было ему опасно. Однако Локи вложил в руку другого сына Фригг, слепого Хёда, ветку омелы, и, когда тот бросил ее в сторону брата, Бальдр упал бездыханным. Все боги были в ярости и жаждали расправиться с Локи, но Бальдр погиб в Асгарде, священном жилище богов, и там нельзя было проливать кровь, пусть даже в наказание за столь страшное злодеяние. Месть настигла Локи позже и в совершенно другом месте. Как видим, даже в представлении воинственных скандинавов пролитие крови могло осквернить святыню.

Венгерский филолог Карл Кереньи в своей книге «Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни» описывает «ритуал, в котором роль страдающего бога исполнял телец и к которому присоединялось наказание того, кто совершал жертвоприношение»². На острове Тенедос для жертвоприношения готовили корову. Мы можем сказать, что речь идет всего лишь о столь распространенном в древности обряде, как принесение в жертву животного. Но, что характерно, «когда она начинала телиться, с ней обращались, как с женщиной-роженицей. На новорожденного теленка надевались охотничьи сапоги... В таком виде животное было готово для жертвоприношения». Итак, теленка приносили в жертву как воплощение Диониса — бога, но в то же

время и существо, в чем-то близкое человеческой природе, его же можно убить. «Того же, кто наносил удар двойным топором, публично побивали камнями, правда только символически, поскольку ему разрешалось спастись бегством. Если ему удавалось достичь моря, наказание считалось исполненным».

Символическое убийство сопровождалось символическим наказанием. Но смысл его ясен: как бы ни были укоренены представления о том, что казнить **надо**, параллельно с ними существовала и мысль о том, что казнить **дурно**. Это противоречие во многом сохраняется до сегодняшнего дня.

И все-таки почти всегда считалось, что забрать жизнь другого человека можно — и не на войне, когда сражаешься с врагом, а «своего», в мирное время, хотя пролитие крови все равно преступление. В каких же обстоятельствах становилось возможным то, за что в другой ситуации полагалось наказание?

Как появилась смертная казнь?

Ответа на этот вопрос у нас нет.

Первый — по библейской версии — убийца в мире, Каин, не был казнен. Бог обрек его на другое наказание: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»³. При этом, судя по тексту Библии, такая кара представлялась самой ужасной из всех возможных — «высшей мерой». Каин отвечал: «Наказание мое больше, нежели снести можно». При этом особо было оговорено, что никто не должен убивать презренного изгнанника: «Всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро». Ради этого парадоксальным образом и появилась на лбу убийцы «Каинова печать» — «чтобы никто, встретившись с ним, не убил его!».

Правда, еще до изгнания из рая, в прекрасном мире, существовавшем до грехопадения, Бог сказал Адаму: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»⁴.

Изгоняя Адама и Еву из рая и обрекая их на жизнь в обычном мире, Бог, по сути дела, обрек их смерти — отправив туда, где и они, и их потомки будут умирать. Может быть, это прообраз будущих смертных казней?

Во всяком случае, если Каин сохранил жизнь, то многочисленным другим грешникам в Ветхом завете повезло куда меньше: их побивали камнями, приговаривали к сожжению, а царя Саула пророк Самуил лишил благословения и права на царство за то, что тот отказался убить захваченных в плен врагов.

Тела людей, умерших насильственной смертью, археологи находят по всей Европе в слоях, относящихся к железному веку. Болота Британии, Франции, Дании, Швейцарии сохранили их останки во множестве — и мы можем быть уверены в том, что эти люди не утонули. Так, у женщины, найденной в датском болоте, коленная чашечка была пробита колом, причем когда она была еще жива; другую девушку придавили камнем; еще какие-то люди, чьи тела также опустили в болото, были сначала задушены⁵. Ученые спорят, кто из покойников, обнаруженных в древних болотах, был принесен в жертву, а кто казнен за какие-то преступления. Провести точное различие трудно, об этом речь впереди, но все же ясно, что многие из них подверглись казни.

Смертная казнь за те или иные преступления присутствует почти во всех древних законодательствах: в вавилонских законах Хаммурапи, в римских Законах XII таблиц, у ассирийцев, у хеттов. Философ Жак Деррида, посвятивший целый сезон своих знаменитых семинаров проблеме смертной казни, отмечал, что в Ветхом завете за Десятью заповедями, провозгласившими, в частности, великий принцип «Не убий!», тут же следуют законы, где подробно объясняется, за какие нарушения этих заповедей человека следует лишить жизни. Судя по всему, в то время никто не замечал в этом трагической иронии: в представлении почти всех древних народов, жизнь все-таки можно было отнимать.

Если же обратиться к еще более древнему периоду, то окажется, что казнь преступника не была прерогативой государства. В обществах, где отсутствовала государственная власть, тоже могли казнить.

Летописец рассказывает, что князь Владимир, приняв крещение, отказывался казнить разбойников, считая это грехом, но после того, как его стали увещевать «епископы и старцы», то есть, очевидно, носители нового и старого авторитета — духовенство и старейшины, Владимир осознал свою обязанность государя, начал применять наказания и жить «по устроению оутьню и дедню», то есть по древним обычаям⁶.

Ясно, что первые казни происходили еще в доисторическом обществе. Как пишет антрополог Кристофер Бём, много занимающийся вопросами вражды и разрешения конфликтов в древних обществах, «если группа, ощутившая себя в опасности, не могла ни справиться, ни избавиться от опасного или агрессивного члена, то единственным способом разрешить сложившуюся ситуацию было его физическое уничтожение»⁷.

Греческие полисы тоже знали смертную казнь и применяли ее. Сократу еще повезло: он ушел из жизни без страданий, испив чашу с цикутой. Раскопки на древнем афинском кладбище Фалерон показали, что были в этом прекрасном городе преступники, с которыми обходились куда суровее. Греческий археолог Пелекидис обнаружил здесь захоронение 18 человек, закованных в кандалы. Очевидно, их подвергли мучительной казни *ἀποτύμπανισμός* (апотимпанисмос): приковали к доске, а затем оставили на несколько дней в вертикальном положении умирать от голода и жажды под грузом тяжелых цепей — своеобразный греческий вариант распятия. То, что это были преступники, преданные казни, лишней раз подтверждается еще и тем, что похоронили их в V веке до н. э., но на кладбище, заброшенном за два столетия до этого. находка на Фалероне была столь ужасна, что многие ученые долго отрицали сам

факт такой мучительной публичной казни, явно противоречивший «эстетике и этике демократических Афин»⁸.

Увы, сегодня сомнений нет: в древних Афинах людей, совершивших особо тяжкие преступления, действительно казнили, приковав цепями к поставленной вертикально доске. В комическом виде эта казнь показана в комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий», где мужчину, посмеявшегося в переодетом виде проникнуть на священный праздник, после разоблачения приковывают к столбу и оставляют в таком виде. Стражник получает приказ:

Эй, уведи его,
В колодки посади, затем поставь вот здесь
И стереги, да так, чтобы никто не смел
И близко подойти, и всякого бичом
Лупи, кто подойдет⁹.

И это еще не все. Куда более распространенным способом было сбрасывание со скалы Нимф в глубокую яму под названием Варатрон. Судя по всему, в древности несчастных бросали туда живыми, а позже стали скидывать тела казненных. В какой-то момент, сбросив со скалы тело некоего фригийца, афиняне обнаружили, что Варатрон переполнен, и тогда от этой традиции отказались. Почему? Простейшее предположение — по санитарным соображениям, чтобы тела, оставшиеся без захоронения, не отравляли атмосферу и не способствовали распространению эпидемий. Однако этих людей не просто казнили, но и оставляли без погребения, а значит, их души были лишены покоя и в царстве мертвых. Хотели ли афиняне постоянно находиться в соседстве со столь беспокойными мертвецами?

Казнь, отягощенная последующим отсутствием погребения, считалась особенно жестоким наказанием. Вспомним софокловскую Антигону, которая отдала жизнь ради права похоро-

нить своего брата, несмотря на то что он с оружием в руках выступил против своих сограждан, — оставить мертвое тело без погребения было ужасно. В 406 году до н. э. афинский флот разбил спартанцев в битве при Аргинусских островах. После этого стратеги, возглавлявшие войско, поручили двум командирам, Ферамену и Фрасибулу, собрать тела погибших, но те не смогли этого сделать, так как началась буря. Вернувшись в Афины, Ферамен и Фрасибул обвинили во всем стратегов — был проведен суд, и командовавших флотом, победителей спартанцев, приговорили к смертной казни. Причем из восьми стратегов в город вернулись только шестеро, двое предпочли сразу спастись бегством. Народное собрание было готово простить победителей, к тому же за них заступался Сократ, который, как мы знаем, умел хорошо говорить, — но тут на заседание явились родственники погибших и рассказали, как потрясены тем, что теперь души их близких будут обречены на вечные скитания в царстве мертвых. И стратегов казнили — слишком тяжело было их преступление по меркам того времени. Впрочем, не только того... На протяжении многих веков тела преступников выставляли на всеобщее обозрение, оставляли висеть на перекрестках дорог, головы их насаживали на колья. Обычно это объяснялось необходимостью запугать потенциальных нарушителей закона. Но известно также множество примеров, когда тело казненного нигде не выставлялось, а наоборот — расчленялось на куски или же вообще отдавалось в распоряжение палача. Тела, сброшенные в Варатрон, уже нельзя было разглядеть — зато всем было понятно, что наказание для преступников будет длиться вечно.

Афинский Варатрон был не единственным местом в Древней Греции, куда людей сбрасывали без погребения. В Фессалии такое же место называлось Коракаес. В Спарте, как выясняется, со скалы сбрасывали далеко не только хилых новорожденных младенцев — похоже, как раз младенцев на самом деле не сбрасывали. Но здесь была скала Кеадос, с которой в про-

пасть глубиной 600 метров бросали тех, кто, по мнению спартанцев, заслуживал смертной казни. Здесь археологи нашли трехметровый слой, состоящий из останков в основном мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, — возможно, это были пленные, а может, восставшие рабы или илоты? Ужасные подробности происходившего здесь можно представить, исходя из того, что на отвесной стене скалы, довольно далеко от дна, были найдены скелеты или части скелетов. Возможно, тела казненных просто ударялись о стену и оставались там, зацепившись за выступ. Или же — еще более страшное предположение — казнимых сбрасывали в ущелье живыми, как это первоначально делали в Афинах, и кто-то из них пытался выбраться оттуда.

Подтверждением тому может служить легенда о герое Мессении — Аристомене, поднявшем восстание против поработителей-спартанцев. Аристомен попал в плен и был вместе с другими мессенцами сброшен со скалы. Его скинули последним, он упал на тела своих товарищей и не погиб. Через некоторое время в ущелье появилась лисица, которая грызла трупы. Так Аристомен понял, что из пропасти есть выход. Легенда гласит, что он схватил лисицу за хвост, последовал за ней — и спасся. Очевидно, тем, чьи скелеты найдены на скале, повезло меньше.

Впрочем, отметим еще раз, что и у суровых спартанцев скала Кеадос находилась примерно в 10 километрах от города. Казнь воспринималась в греческом мире как что-то безусловно тяжелое и оскверняющее святыни, хотя и необходимое. И так было не только у греков.

Законодательство Моисея предписывает карать смертью за разные проступки: отход от религиозных предписаний, убийство, — но при этом оговаривается: «Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погребите его в тот же день, ибо проклят пред Богом повешенный, и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел»¹⁰. Конечно, это можно объяснить

тем, что землю оскверняет преступник, заслуживший казнь, но слишком уж напрашиваются параллели с другими древними законодательствами: землю оскверняет не сам преступник, а преступник казненный.

Казни могли объяснять самыми разными причинами, могли по-всякому обосновывать их необходимость, могли превращать их в многочасовое шоу, но все-таки в большинстве случаев для них выделяли особые места не в центре города. Такие места должны были находиться не очень далеко, чтобы и осужденному, и зрителям достаточно легко было туда добираться, но все-таки им надлежало быть в стороне от домов, где живут люди. История знает исключения: зверские казни, которые в 1570 году Грозный обрушил на своих же приближенных и руководителей опричнины, проводились на Красной площади. Здесь же через сто с лишним лет Петр Первый будет казнить стрельцов. Обоим жестоким правителям нужно было довести суровость наказания до предела — и не только за счет пыток и мучений, но и за счет демонстрации происходящего в самом сердце города. Так же будут действовать якобинцы, демонстративно поставившие гильотину на площади в центре Парижа. Но эти исключения только подчеркивают многовековое правило.

«Тайбернское дерево» — сложное сооружение, на котором можно было повесить сразу нескольких осужденных, — стояло не в самом Лондоне, а в деревушке Тайберн, не входившей ни в состав города, ни в состав королевской резиденции — Вестминстера. В этом месте, где сегодня туристы спешат предаться шопингу на Оксфорд-стрит, с конца XII века казнили людей. Преступников обычно везли сюда из Ньюгейтской тюрьмы, находившейся примерно в пяти километрах. Виселица, которая была видна издали, напоминала всем, кто подъезжал к Лондону или выезжал из него, о том, что с законом шутки плохи, но в то же время не оскверняла места, где жили горожане и король. Точно так же и места казни более благородных

преступников — Тауэрский холм, и даже сам Тауэр, — находились совсем рядом с Сити, но все-таки за его пределами.

В Париже, правда, ситуация была иной: Гревская площадь, где по крайней мере с начала XIV века, а может быть, и раньше происходили публичные казни, находилась в пределах городских стен, — но все-таки не на острове Сите, не рядом с собором Парижской Богоматери, не там, откуда начинался город, где были его святыни. Получившая свое название от слова «галька, камешки», Гревская площадь была ровным местом на правом берегу Сены, где издавна находился порт, а затем возник рынок. В начале XII века рынок убрали, площадь опустела, и с тех пор ее использовали для разнообразных развлечений: здесь могли устраивать фейерверки и процессии, а могли сжигать Талмуд, как это было в XIII веке, и казнить, как это происходило вплоть до XVIII столетия.

В Москве место публичных казней эволюционировало в обратном направлении. Болотная площадь долго была действительно болотом, потом лугом, где тренировались стрельцы, а жители города собирались на кулачные бои. Сегодня трудно представить себе, что это место находилось за городом, но именно так и было — и не просто за городом, а за рекой: Кремль, символ власти, совсем рядом, но отделен от пространства, где проливалась кровь, водной преградой.

Знаменитая картина Франсиско Риси «Аутодафе в Мадриде» прекрасно иллюстрирует представление о казни как о спектакле. На одной из главных мадридских площадей — Пласа-Майор — действительно воздвигнуто что-то вроде театра — со сценой, где должна происходить церемония, с местами для зрителей-придворных и с «королевской ложей» на балконе одного из зданий. Вот только здесь никого не сжигали — в центре города оглашали приговор, призывали виновных отречься, а затем процессия устремлялась за городские стены. При этом у несчастных еретиков была еще возможность покаяться и избежать не смерти вообще, но по крайней мере смерти огненной и полу-

чить менее мучительную казнь через удушение. Кстати, сожжение на костре за религиозные преступления было пусть лицемерным, но способом обойти невозможность для церкви проливать кровь — точно так же, как и передача еретика в последний момент для казни светским властям. Снова мы видим все то же: казнь воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как спектакль, как действие, как развлечение, — но ощущение, что есть в отнятии жизни что-то дурное, все-таки остается.

Кристофер Бём подчеркивает, что им собран огромный материал о казнях, совершавшихся сразу группой людей, например побивание камнями, в котором могли участвовать десять и больше человек. Примеры этого можно встретить по всему миру. Обычно подобная практика объяснялась тем, что так оказывалась невозможной кровная месть конкретному человеку, казнившему преступника.

Но даже там, где кровная месть давно ушла в прошлое, казнь часто поручали избыточному количеству людей — и один виноватый в этом новом убийстве как будто исчезал, растворялся в коллективном действии. Так было и в XVII–XVIII веках — вот как это описано у Мишеля Фуко:

Осужденного долго водят, показывают, унижают, всячески напоминают о чудовищности совершенного преступления, он подвергается оскорблениям, а иногда нападению толпы. В месть монарха должна привходить месть народа. Последняя совсем не составляет основания мести суверена, и король отнюдь не выражает месть народа; скорее, народ призван оказывать содействие королю, когда тот решает «отомстить своим врагам», особенно если эти враги — из народа. Такова своего рода «эшафотная служба», которую народ обязан нести в интересах королевской мести¹¹.

Когда публичные многочасовые казни уйдут в прошлое, приговор будут приводить в исполнение расстрельные взводы.

Почему-то окажется важно, чтобы тот, кто нажимает на курок, не знал, его ли пулей сражен маршал Мюрат или же пулей, вылетевшей из ружья того, кто стоял с ним рядом.

Но все-таки люди «изобрели» смертную казнь еще в незапамятные времена. И это было именно человеческое изобретение. Животный мир знает агрессию, знает подавление слабых особей более сильными, животные охотятся и убивают представителей других видов ради еды, они могут убивать конкурентов собственного вида — но не способны осудить другого на смерть, *приговорить* за то, что тот нарушил некие писанные или неписанные правила. Животные убивают на охоте для того, чтобы прокормиться, и в борьбе за жизненное пространство, самку или лидерство — по сути, ради выживания.

Смертная казнь существовала — пусть в зачаточном виде — уже в первобытности, ее, безусловно, знали древние восточные государства и античный мир, в Средние века она превратилась в роскошные и кровавые представления, порой длившиеся — к удовольствию зрителей — по многу часов. В последующие столетия эта публичность начала сходить на нет — хотя случались и всплески, например когда тех, кого осудила на смерть Французская революция, через весь город везли на площадь Революции (лишь позже ее переименовали в площадь Согласия), где уже стояла гильотина и палач Сансон был готов к исполнению своих обязанностей. В XX веке казни стали скрывать от глаз досужих зевак, но при этом тысячи советских людей собирались на хорошо организованные собрания и дружно требовали смертной казни для «троцкистско-зиновьевских преступников», а в Китае еще недавно расстреливали публично.

И все же, когда казнь свершается, одновременно возникает и ощущение осквернения, более или менее ярко прочувствованное и осмысленное представление о том, что лишение жизни даже самых страшных преступников — тоже убийство, противоречащее естественному ходу жизни. Для того чтобы пойти

на такое ужасающее дело, надо понимать, почему это возможно. А для этого должны быть сформулированы законы, неповиновение которым грозит смертью, и должно сформироваться представление о том, что ради неких высоких понятий, не связанных напрямую с выживанием, можно лишать человека жизни.

Когда же возникает то, ради чего *можно* казнить, следом появляется и представление, будто есть то, ради чего казнить *нужно*. Ради чего же в разные времена людей подвергали казни?

Казнь как наказание виновного и возмещение потери

Убеждение, разделяемое всеми народами, находившимися и находящимися на разных стадиях развития, гласит: преступление, особенно тяжкое, не должно оставаться безнаказанным, правда наказание может принимать самые разнообразные формы.

Бывают ситуации, когда казнь воспринимается как единственный выход. Так, в первобытном мире казнили в тех случаях, когда не могли иным способом справиться со зловредным колдовством. Люсьен Леви-Брюль собрал огромный этнографический материал, показывающий, что еще в XX веке члены многих сообществ считали, будто смерть всегда вызывается колдовством.

Погиб ли человек в драке, из-за несчастного случая на охоте, или на него упало дерево — по представлениям жителей Океании, Австралии или африканских джунглей, все это не могло произойти просто так: копье, клыки зверя или рухнувшее дерево приводились в движение волей колдуна. А значит, нужно найти и обезвредить его. И здесь уже не идет речь о выкупе или какой-либо компенсации. Непосредственный убийца может тем или иным способом возместить ущерб, быть обращен в рабство, стать членом семьи убитого или быть изгнан.

Но с колдуном договориться невозможно, его можно только убить — «его бросают в воду или сжигают, что сразу уничтожает злого духа, сидящего в колдуне и действующего через его посредство»¹².

Примеры такого поведения могут быть самыми разнообразными:

...лодка из Виви с шестью туземцами плыла по течению Конго... Повернув к мысу, где позже была построена наша Ундергилльская станция, лодка попала в водоворот, наполнилась водою и пошла ко дну... Туземцы решили, что колдовство, вызвавшее ужасный случай, превосходит размеры обычного и таково по своей злой силе, что на него следует реагировать специальными мерами. За каждого утонувшего человека должны были погибнуть трое колдунов, так что случайная гибель шести человек должна была повлечь за собой смерть восемнадцати.

У племени овамбо (германская Западная Африка) вождь Кануме недавно вздумал приучить быка к работе. В тот момент, когда быку пытались проткнуть ноздри, он ударом рога выбил глаз одному из туземцев. Сейчас же был сделан вывод, что человек, потерявший глаз, околдован. Принялись разыскивать колдуна, который должен обнаружить виновника. Колдун указал на одного из слуг Кануме. Последний, будучи приговорен к смерти, бежал. Кануме, однако, бросился за ним в погоню на лошади, настиг и убил его. В следующем году один из моих соседей в одно прекрасное утро отправился в полном здравии на ловлю лягушек, до которых они большие охотники. Бросая копье, он глубоко поранил себе руку, потерял много крови и умер от кровотечения... Через три дня колдуны начали искать, кто околдовал моего соседа. Я воспротивился этому. Однако мне ответили: «Если мы не обнаружим омулоди и не уьем его, то мы, может быть, все умрем».

При этом «обычные» способы убийства признаются недействительными — обычно считается, что колдуна надо либо утопить, либо сжечь, и только тогда его злобный дух будет побежден.

Но одновременно с этим огромный массив материалов, собранных в разных частях света, показывает, что племена, живущие на догосударственной стадии развития, выработали множество механизмов, позволяющих не убивать тех, кто совершил убийство или нарушил религиозные табу. Наказание, безусловно, должно свершиться, но не обязательно в виде лишения жизни. За убитого могут назначить выкуп, при этом не всегда возмещением служит определенное количество овец или других ценностей. Принцип «жизнь за жизнь» принимает подчас самые неожиданные формы: роду или племени убитого могут выдать самого убийцу или, если он бежал, его родственника — изначально, очевидно, предполагалось, что для казни, и во многих случаях так и бывает, но в то же время этнографический материал показывает, что часто это оказывается «возмещением» потери члена общества. Выданный человек переходит в род убийцы и становится его членом — каким бы удивительным ни казалось нам такое установление.

«Весьма распространенным, известным в истории... представляется порядок, по которому в случае убийства обиженной группе выдается один из членов виновной группы. Переходя в новую группу, этот выданный по общепринятому обыкновению включается новой семьей в ее состав на правах кровного ее сочлена, как бы замещая убитого. Этим же строем идей объясняется распространенный, например, у американских индейцев порядок, по которому забранные во время войны пленные распределяются между теми семьями, которые потеряли во время войны своих членов, причем пленники, пройдя обряд усыновления, входят в новую семью полноправными членами и получают имена убитых», — писал историк Марк Косвен и приводил самый разнообразный мате-

риал, иллюстрирующий такой обычай: «...у карачаевцев обидчик входил в пострадавшую семью; после церемонии, представляющей собой распространенный особенно у кавказских народов акт усыновления и состоящий в сосании груди матери убитого, преступник становился родным сыном. Точно так же у кумыков убийца, проделав церемонию испрошения прощения, становится не только “кан-кардаш” (родным по крови) сыном для родителей, братом для братьев и проч., но и вступает во все права убитого. Вместе с тем между всей родней обеих сторон устанавливается отныне такое родство, которое считается равным родству по отцу»¹³.

Трудно представить себе дальнейшую жизнь убийцы среди рода убитого, его отношения с новой матерью, отцом, братьями — все это совсем не похоже на наши представления о вечно продолжающейся вендетте, следующей за убийством. Кровная месть, безусловно, существовала и существует до сегодняшнего дня — об этом речь пойдет ниже, — но ясно, что одновременно в разных местах мира делались попытки отреагировать на убийство не мезтью, а возмещением потери. И возмещение это было не просто экономическим. Если бы речь шла о потере кормильца, то мог бы быть выплачен большой выкуп, пригнаны стада, принесены какие-либо ценности, а если уж необходимо отдать человека, то можно было бы передать в семью убитого, например, раба. Однако если убийца входил в род убитого, то таким образом не только восполнялась «рабочая сила», но как будто возрождалась уничтоженная жизнь — пришелец занимал то самое место в родовой, семейной структуре, где из-за него образовалась брешь.

За многие преступления, в том числе убийство, карой для виновного становилось изгнание. Можно резонно возразить, что это почти всегда та же смертная казнь. Одинокй человек, не имеющий за спиной поддержки общины, родных, богов, легко становился жертвой любого встречного —

или безутешного мстителя. Не случайно Каин, отправляясь в изгнание, сказал: «Наказание мое больше, нежели снести можно». Одиссей, попав в страну феаков, пробирается к царскому дворцу, но не знает, как его встретят. Поэтому Афина окутывает его темным облаком — делает невидимым. Так он получает возможность пробраться внутрь дворца, и все замечают путника только в тот момент, когда он опускается на пол рядом с очагом, то есть просит защиты у домашних богов. Теперь он в безопасности.

Изгнание — страшное наказание, судьба изгоя в обществе, где люди не мыслят своей жизни вне принадлежности к коллективу, трагична, но все-таки в этом случае вина за совершенное «убийство убийцы» падет не на изгоняющую его общину, а на кого-то еще. Кровь прольется на другой земле. Абсолютно бесчеловечные, «драконовские законы», принятые в Афинах Драконтом, запрещали тому, кто лишил жизни убийцу, принимать участие в священных церемониях. Пусть свершилось наказание, но этот человек все равно был осквернен. А вот если убийца лишался жизни на его собственной земле, это не должно было «налагать скверны и требовать искупления»¹⁴. Воздаяние за пределами общины не казалось таким страшным.

Не исключено, что невероятно жестокие, с нашей точки зрения, телесные наказания, которым подвергали людей в самые разные эпохи и в разных частях земного шара, — это, как ни странно, тоже в какой-то мере способ замены смертной казни казнью «частичной». С точки зрения древней магии часть равносильна целому: можно было уничтожить врага, совершив магические обряды над фигуркой, в которую был вложен его волос или ноготь, или же приворожить любимого, предварительно заполучив какую-то частицу его тела. И точно так же, отрубая вору руку или отрезая богохульнику язык, их символически казнили — но при этом оставляли в живых, не совершая нового убийства.

Казнь как успокоение убитого

Если с точки зрения членов рода или племени казнь оказывалась неизбежна, все равно сохранялась мысль о том, что любое убийство влечет за собой наказание. Поэтому казнь — еще и тяжкая необходимость: если не покарать убийцу, то дух покойного будет недоволен и его гнев обрушится на тех, кто отказался от мести. Даже духов убитых врагов надо было задабривать, потому что они ведь тоже были лишены жизни.

Страх перед покойным и опасения, связанные с его возможным возвращением, пронизывают всю человеческую культуру. «Скорченные» захоронения первобытных людей, тела которых, кажется, связывали перед тем, как опустить в могилу, возможно, перекликаются со сказками о вампирах, «заложных покойниках», которые не могли найти успокоения после смерти и постоянно возвращались, чтобы вредить оставшимся, пить их кровь, мстить им.

Выдающийся этнограф Дмитрий Зеленин, который как раз и ввел понятие «заложный покойник», писал:

...многие народы земного шара, в том числе и русский народ, строго различают в своих поверьях два разряда умерших людей. К первому разряду относятся т. н. родители, т. е. умершие от старости предки; это покойники почитаемые и уважаемые, много раз в году «поминаемые». Они пребывают где-то далеко. На место своего прежнего жительства, к родному очагу и к своим потомкам, они являются редко, и то только по особому приглашению, во время поминальных дней... Совсем иное представляет собою второй разряд покойников, т. н. мертвяки или заложные. Это — люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственною смертью¹⁵.

К заложным покойникам могли относиться те, кто уже при жизни был известен своей вредоносностью, например колдуны и ведьмы, те, кто наложил на себя руки, а значит, по представлениям поздней эпохи, совершил страшный грех, но также и те, кто просто погиб до срока — сторел, утонул, был убит. Эти покойники не могли спокойно лежать в земле, они бродили по ночам, являлись близким и всячески тревожили их, пугали людей и животных, просто хулиганили, скажем выбрасывая вещи из сундука или разгоняя скот в разные стороны. Зеленин собрал огромное количество рассказов о заложных покойниках, где говорится о возвращающихся самоубийцах, некрещеных детях и т. д. Но чаще всего возвращались убитые: они могли постоянно досаждают своему убийце — стучаться к нему в окно, напоминать о себе, то есть тем или иным образом требовать отмщения.

Для защиты от заложных покойников было разработано множество механизмов: их хоронили в особых местах, клали в землю лицом вниз, заваливали ветками, могилы обливали водой. Люди, проходившие мимо таких мест, обязательно бросали на могилу ветку или какую-то старую вещь, например лапоть, — предполагалось, что таким образом мертвеца можно было умиловить хотя бы на время, чтобы он не погнался за идущим и не причинил ему вреда.

Не перекликаются ли эти русские и финно-угорские поверья с желанием африканских или австралийских туземцев обязательно отомстить за убийство, чтобы успокоить дух погибшего? Умиротворение духов вообще являлось важной частью первобытных обрядов. В разных частях мира — от Австралии до Сибири — были зафиксированы представления о том, что необходимо принести жертвы, совершить обряды, произнести определенные слова, которые успокоят, например, дух убитого на охоте животного или даже дух срубленного дерева. Что уж говорить о духах умерших людей! Леви-Брюль подчеркивает, что во многих местах считалось,

будто духи любых недавних покойников раздражены и завидуют живым. Духи могут постоянно возвращаться домой, беспокоить родных, из-за них «жатва гибнет, свиньи и собакидохнут, зубы портятся»¹⁶. Необходимо умиловать их совершением обрядов, организацией поминок и т. д. И, конечно же, особенно раздражен бывал дух убитого — он постоянно требовал убийства того, кто повинен в его смерти. Следовательно, нужно было предпринимать какие-то действия. Необходимо было «прежде всего дать удовлетворение покойнику, которого они всячески должны были бы бояться, останься он неотомщенным: поэтому они считали себя обязанными убить кого-нибудь, причем жертвой должен естественнее всего стать виновник (вольный или невольный, это не имеет значения) несчастья». Есть примеры того, как действия, необходимые для удовлетворения погибшего, совершались более или менее формально: «В Австралии, а также в очень многих других низших обществах близкие покойника, для того чтобы сделать благосклонным к себе новоумершего или просто избежать его гнева, обязаны обнаружить того, который “обрек” покойника, и убить его». Правда, и здесь регулярно вступали в силу те механизмы, которые не давали возможности пролиться новой крови или, по крайней мере, ограничивали кровопролитие. Родственники могли отправиться в поход на другое племя, обменяться со своими врагами множеством пылких и грубых оскорблений, затем бросить друг в друга копья... и разойтись вполне удовлетворенными, особенно если при этом реальный убийца был хотя бы ранен. Считалось, что для успокоения духа этого достаточно.

В связи с этим можно вспомнить «псевдоказнь» жреца Диониса на острове Тенедос — тут, кажется, действовал тот же механизм: казнить преступника необходимо, однако никто не хочет развязывать долгую, кровавую войну, поэтому «казнь» совершается, но так, чтобы нанести минимальный ущерб.

Казнь как защита стабильности общества

Еще одна причина для казни в первобытном обществе — это нарушение многочисленных табу, присутствовавших в его жизни, священных запретов, установленных когда-то, на заре времен. Этнографами неоднократно отмечались ситуации, когда человек, нарушивший, пусть даже случайно, один из таких запретов, не дожидался наказания со стороны соплеменников или гнева богов, а просто умирал от страха. Табуированными могли оказаться воины, вернувшиеся из похода, женщина, только что родившая ребенка или менструирующая, под запретом были места, связанные с особыми религиозными практиками, вроде священных гор у монголов, на которые не разрешалось подниматься женщинам, а мог быть и сам вождь или царь, или любой принадлежащий ему предмет, или даже то, к чему он прикасался.

Зигмунд Фрейд в своем классическом труде «Тотем и табу» проанализировал различные виды запретов, существовавших у народов в разных концах света, и пришел к выводу, что все они были порождены воспоминаниями о древнем, изначальном убийстве — восстании сыновей против деспотического отца-вождя. Не будем сейчас вдаваться в эту знаменитую, хотя и вызывающую нарекания концепцию отца психоанализа, но обратим внимание на другое: табу — это великие, неоспариваемые, неотменяемые запреты, на которых во многом держится жизнь племени. Наказание за их нарушение в подавляющем большинстве случаев — смерть. Говоря словами Фрейда, «табу является очень древним запретом, наложенным извне (каким-нибудь авторитетом) и направленным против сильнейших вожделей людей. Сильное желание нарушить его остается в их бессознательном. Люди, выполняющие табу, имеют амбивалентную направленность к тому, что подлежит табу. Приписываемая табу чародейственная сила сводится к способности вводить в искушение; она похожа на заразу, потому что

пример заразителен и потому что запрещенное вожделение в бессознательном переносится на другое. Искушение посредством воздержания за нарушение табу доказывает, что в основе соблюдения табу лежит воздержание»¹⁷.

Существует и другой взгляд на возникновение первых запретов, к этому вопросу мы еще вернемся. Пока же только скажем, что нарушение табу — какой бы сферы жизни, какого бы предмета или существа ни касался священный запрет — у самых разных народов зачастую влекло за собой смерть. В этой ситуации нет и не могло быть смягчающих обстоятельств, независимо от того, осознанно совершил человек кощунственный с точки зрения его общины поступок или же случайно прикоснулся к тому, до чего дотрагиваться нельзя. В любом случае он нарушил существующее во вселенной равновесие — и восстановить его можно, только убив преступника.

За что был казнен Сократ в прекрасных и столь любезных нашему сердцу Афинах, в эпоху величайшего расцвета греческого искусства, науки, философии? Да все за то же: по мнению афинян, он не уважал богов и развращал своими идеями молодежь, то есть, по сути дела, нарушал табу и угрожал стабильности общества.

Другой великий философ — Демокрит — такого гнева окружающих не вызывал, зато сам говорил о необходимости смертной казни для процветания общества: «Всех тех, которые приносят вред, нарушая справедливость, надо убивать во что бы то ни стало, и тот, кто это делает, будет радоваться душой и в большей степени при любом государственном строе пользоваться защитой закона и обладать неустранимостью и гордостью. Так же, как написано о зловредных зверях и пресмыкающихся, так же, по моему мнению, следует поступать и по отношению к людям: нужно в любом государстве, где закон этого не запрещает, убивать зловредного человека, согласно отеческим законам. А нельзя убивать только на территории святилищ любого государства, а также в случае договоров и клятв»¹⁸.

На основании этого отрывка можно сделать сразу несколько наблюдений. Во-первых, зловредного человека следует убивать «согласно отеческим законам» — это напоминает Владимира, казнившего «по устроению отню и дедню», то есть по каким-то древним, установленным в незапамятные времена обычаям. Убийство «зловредных» вызывает у просвещенного философа, создателя учения об атомах, радость именно потому, что смертная казнь, с его точки зрения, дает людям возможность пользоваться защитой закона, то есть устанавливает в обществе стабильность и покой. Да и вообще — какие это люди? Они подобны зверям и пресмыкающимся. Мысль Демокрита о том, что гнусные преступники перестают быть людьми, пройдет через много столетий — у нее большое будущее. И как же широко можно раздвинуть рамки этой мысли — как легко причислить к «зловредным зверям» самых разных людей.

И все же, заметим, даже «радуясь душой», нельзя убивать на территории святилищ — безжалостный Демокрит тоже знает, что смертная казнь оскверняет священную землю и, очевидно, лишает святости заключенные одновременно с убийством преступника договоры.

Платон в «Законах» рассуждает о том, что «с помощью законов надо, насколько возможно, возместить нанесенный вред, спасая то, что гибнет, поднимая то, что по чьей-то вине упало, и лечя то, что умирает или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться с помощью законов из каждого случая раздоров и вреда сделать повод для установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений»¹⁹. Но для особо опасных преступников Платон считает вполне естественным применение смертной казни. Мало того, оказывается, в этом можно усмотреть большую пользу. «Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, то какое наказание определит он ему по закону? Законодатель осознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную поль-

зу всем остальным людям: они послужили бы для других примером того, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей». Удивительным (а может, и не таким уж удивительным) образом в утонченной и жестокой утопии Платона в преображенном виде можно усмотреть переключку со взглядами африканских племен. Избавить государство «от присутствия дурных людей» — это ведь, по сути дела, та же стабильность общества, ради которой убивают нарушившего табу члена племени.

Итак, уже в первобытном мире сформировались три основные причины, по которым казнили и, увы, продолжают казнить в разные эпохи и в разных цивилизациях. Именно так объясняют необходимость смертной казни ее сторонники и до сегодняшнего дня: казнить необходимо, потому что преступник должен понести наказание, злодеяние просто не может остаться неотмщенным; казнить необходимо, потому что это наказание принесет успокоение духу убитого или родным жертвы; казнить необходимо, потому что общество нуждается в стабильности, есть преступления, совершение которых расшатывает сами устои общества, и те, кто их совершил, не могут дальше жить среди людей. Содержание этих подходов к смертной казни в разные времена менялось, преступлениями, заслуживающими смерти, считались разные действия: где-то опасались возвращения духа убитого, а где-то говорили о необходимости хоть как-то облегчить страдания его родных, в каких-то цивилизациях речь шла о нарушении священного табу, а в других — о покушении на самое дорогое, что было в этой культуре, — на персону монарха или на жизнь человека, но суть не меняется.

При этом уже в первобытном мире одновременно с глубокой убежденностью в необходимости смерти преступника существовало и представление о том, что хорошо бы каким-то образом избежать кровавой расправы — отсюда попытки примирения, замены кровной мести выкупом, формальное или